

УДК 81'37

DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.11

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТОНИМИИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

COGNITIVE BASES OF VERBAL METONYMY IN THE REPRESENTATION OF SPEECH ACTS

Евгений Владимирович Чаплин

Ольга Аркадьевна Сулейманова

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия

Evgeniy Vladimirovich Chaplin

Olga Arcadievnna Suleimanova

Moscow City University,

Moscow, Russia

Аннотация

В статье представлен обзор существующих подходов к пониманию глагольной метонимии в рамках когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется рассмотрению метонимии как когнитивно-семантической структуры, механизма языка и мышления, позволяющего описывать фрагменты действительности, связанные со сферой речевых действий. Авторы анализируют исследования ведущих ученых и функционирование метонимичных глаголов, репрезентирующих акт говорения в естественном языке. Полученные сведения применяются для описания семантики метонимичных глаголов говорения и создания классификации моделей метонимических переносов, которые характеризуют различные особенности речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: триангуляционный подход, экспериментальная лингвистика, семантический эксперимент, глагольная метонимия, глаголы говорения, метонимический перенос.

Abstract

Verbs of speaking represent a complex linguistic entity, characterizing external substantial aspects of the utterance, communicative side of speech, interaction between the speaker and the listener, emotional state and attitude of the speaker,

etc. The core of this class of predicates are the verbs *to speak/to say*, which are the prototypical speech activity verbs and the general designation of a speech act.

Besides, there are a number of metonymic verbs of speaking that contain “additional” information in their meaning and represent various characteristics of a speech act accompanying the speech act, the additional accompanying feature representing the whole speech act. These are the following verbs *mumble, gnaw, mutter, babble, spatter, bark, lisp*, etc.

The paper provides an overview of approaches to verb metonymy in cognitive linguistics. The authors analyze the current state of affairs in linguistic interpretation of metonymic verbs of speaking in a natural language. What makes the research relevant is that it focuses on the verb as the primary sentence element which organizes the sentence. The research shows that the interest in the study of metonymic transfers of both nouns and verbs is steadily increasing. The metonymy is getting related to the mental processes and overall human cognitive activity that underlie metonymic transfers and explain how metonymy works when conceptualizing the reality.

The verbal metonymy, following the principle of linguistic economy, demonstrates a tendency to the economy of the speaker’s efforts, e.g.: metonymical representation of a speech act by the verb *mumble* versus *speak languidly and slurredly*.

The reviewed approaches to the classification of a metonymic transfer in the meaning of the verb, built on the division of metonymy into collegiate, causal, circumstantial, make it possible to identify the main metonymic transfer patterns in the meaning of speech verbs, the patterns being determined by the features of the speech act they represent. As the basic type of verbal metonymy, the study distinguishes circumstantial metonymy, formed by the relationship between the action and the accompanying acoustic, visual, behavioral and other characteristics, where the accompanying sign represents the whole action.

The article introduces a comprehensive research procedure based on a hypothesis-deductive method, with semantic experiment as its integral part, and the research results verification using search engines. The study of the meanings of the verbs *lepetat’* and *lopotat’* allowed the author to put forward a hypothesis about the differential features that distinguish the meanings of the verbs of speaking. The result of the study is a more strict and complete semantic description of the verbs under study.

Key words: triangulation, experimental linguistics, semantic experiment, verbal metonymy, verbs of speaking, metonymic transfer.

Введение. Глаголы говорения представляют собой сложный языковой знак, характеризую внешнюю и содержательную стороны высказывания, коммуникативную сторону речи, взаимодействие между субъектом и объектом речи, эмоциональное состояние и отношение говорящего, а также оценку им ситуации и др. Ядро данного класса предикатов со-

ставляют глаголы *говорить/сказать*, которые представляют «имя сферы» глаголов речевой деятельности и являются наиболее общим обозначением акта говорения. Данные глаголы, а также ряд других (*рассуждать, спросить, отвечать* и т.п.) при употреблении со словами-распространителями характеризуют громкость голоса, интонацию говорящего, его чувства, отношение к собеседнику во время произнесения той или иной реплики, ср.: *говорить тихо; настойчиво спрашивал; презрительно отвечал* и т.д. Наряду с ними существует ряд глаголов, которые, выступая в метонимичном значении, содержат «дополнительные» смыслы непосредственно в своем значении и способны репрезентировать и вносить различные характеристики акта речи без слов-конкретизаторов. К таким глаголам относятся: *мямлить, бормотать, гнусавить, бубнить, лепетать, лопотать, гаркать, шамкать, шепелявить* и др.

Цель настоящей статьи заключается в описании механизмов функционирования глагольной метонимии, репрезентирующей акт говорения, и выделении основных моделей метонимических сдвигов в значении предикатов речевой деятельности.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие **задачи**: анализ и интерпретация существующих подходов к пониманию глагольной метонимии в когнитивной лингвистике; проведение семантического эксперимента на основе анализа примеров употребления исследуемых лексических единиц в речи носителей языка; в ходе гипотетико-дедуктивной процедуры исследования подтверждение выдвинутой гипотезы о различиях в семантике анализируемых предикатов (проверка заключается в соотнесении опытных данных с предварительной «разметкой исследователя» и запросами в поисковых системах Google и Yandex); выделение ключевых моделей метонимических переносов в сфере глаголов говорения на основе выявленных различий в семантике исследуемых глаголов.

Материал исследования. В качестве материала используются контексты с исследуемыми глаголами, отобранные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка, художественной и публицистической литературы, а также примеры, полученные в ходе выборочных запросов в поисковых системах Google и Yandex.

Методология. Для решения поставленных задач в статье применяются современная комплексная исследовательская методика, совмещающая гипотетико-дедуктивный метод, основу которого составляет семантический эксперимент, и его дальнейшая верификация с помощью ведущих поисковых систем Google и Yandex.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена относительно слабой изученностью метонимичных глаголов говорения. В большинстве работ глаголы речи исследуются с целью создания универсальной клас-

сификация (З. В. Ничман, Л. В. Васильев, Г. В. Степанова, Л. Г. Бабенко и др.); в некоторых исследованиях затрагивается их когнитивный потенциал (О. Д. Дворник, Ф. Р. Имаммутдинова и др.); связь с их эквивалентами в других языках (Е. А. Ушакова, Е. В. Цыганова, Н. М. Шишкина); рассматривается семантическое поле глаголов речи (Е. М. Соколовская); связь с теорией речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Т. А. ван Дейк, Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова и др.). Однако в интерпретации большинства ученых все же не выявленными остаются когнитивные основания метонимического переноса в семантической структуре глагола, не обозначающего говорение, который позволяет сформироваться новому значению у слова, что дает ему возможность использоваться для описания акта говорения. В работах исследователей не демонстрируются семантические различия между предикатами, например, во многих классификациях не нашлось места глаголам типа *мямить*, *лопотать*, *гнусавить* и др., не были показаны различия между эмоционально-волевыми глаголами *ахать*, *охать*, *ухать*, *ойкать* и т.д. Между тем метонимичные глаголы говорения обладают большим потенциалом для описания акта говорения, поскольку способны репрезентировать акт говорения без дополнительных слов-конкретизаторов и являются основными элементами базового концепта «говорение». Таким образом, несмотря на огромное количество работ, посвященных исследованию лексико-семантической группы глаголов речи, вопросы глагольной метонимии, репрезентирующей акт говорения, затрагиваются спорадически или только частично в некоторых работах (см. об этом подробнее в [Агеева 1990; Анашкина 2011; Толмачева 2018]). Таким образом, актуальность и потребность их изучения в данном аспекте не вызывает сомнений.

Основная часть. В силу различных причин, метонимия, в отличие от метафоры, оказалась менее изучена, хотя, по мнению многих отечественных и зарубежных ученых (А. Barcelona, Д. Н. Шмелев, Н. Г. Агеева, О. А. Сулейманова, Н. С. Трухановская, И. А. Солодилова и др.), метонимические процессы и феномены являются более основополагающими для языка и мышления, чем метафорические, поскольку «метонимия вследствие лежащих в ее основе отношений смежности гораздо глубже коренится в когнитивно-семантических структурах, нежели метафора» [Солодилова 2017: 54]. Д. Н. Шмелев в этой связи отмечал, что метонимический перенос отличается большей продуктивностью и регулярностью, чем метафорический [Шмелев 1977: 129].

Сегодня уже никто не подвергает сомнению значимость метонимии как когнитивного механизма концептуализации действительности. Настоящий «бум» изучения метонимии и метонимических механизмов осмысления действительности пришелся на конец XX в., с выходом в свет целого ряда основополагающих работ и статей (см.: [Barcelona 2002; 2003;

Panther, Radden 1999; Croft 2006; Fauconnier, Turner 1999; Goossens 1995; Kövecses 2005] и др.). Лингвисты продолжили ставшее уже традиционным рассмотрение метонимии и метонимических переносов (наряду с метафорой) как когнитивного явления, «фигуры мысли», лежащей в основе нашей концептуализации мира и являющейся «составной частью обыденного мышления, способов речи и поведения» [Лакофф, Джонсон 2004: 63], тем самым окончательно отделив ее от литературоведческого понимания как одного из тропов.

В последующие годы опубликован целый ряд исследований, посвященных изучению когнитивной метонимии в ее сравнении и взаимосвязи с метафорой, ср.: “Metaphor and metonymy at the Crossroads” [Barcelona 2003 / 2000], “Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast” [Dirven, Pörings 2002], “Metonymy and Pragmatic Inferencing” [Panther, Thornburg 2003], “Metonymy and Metaphor in Grammar” [Panther, Thornburg, Barcelona 2009], “Defining Metonymy in Cognitive Linguistics” [Benczes, Barcelona, Ruiz de Mendoza 2011] и др., которые подтвердили гипотезы о концептуальной природе метонимии, о ее значимости для языка и мышления, поднятые и проанализированные в работе К.-У. Пантера и Г. Раддена “Metonymy in Language and Thought” [1999].

Тем не менее, несмотря на то, что когнитивная лингвистика в целом согласна как с концептуальной природой, так и с фундаментальной важностью концептуальной метонимии, по некоторым вопросам среди исследователей сохраняется ряд значимых разногласий. Например, одна из главных проблем возникает из-за утверждения, что метонимия действует в пределах одной концептуальной области, тогда как метафора соединяет две разные концептуальные области [Benczes, Barcelona, Ruiz de Mendoza 2011: 2]. Другая проблема заключается в том, что в большинстве исследований рассматривалась преимущественно метонимия существительных, реже — прилагательных и признаков слов. Однако в последние годы наметилась тенденция к смещению фокуса внимания лингвистов с изучения субстантивной метонимии к исследованию метонимии в сфере предиката.

Способность глагола метонимически репрезентировать денотативную ситуацию отмечалась многими исследователями, однако в большинстве своем данные попытки описания глагольной метонимии не предлагали системного подхода к ее изучению, хотя и отмечали регулярность и системность метонимических переносов. Например, у Д. Н. Шмелева предложены в качестве примера глагольной метонимии единицы *рубить поленья* и *рубить дрова*, где, по утверждению ученого, в одном случае объектом является предмет, подвергаемый воздействию, в другом — в качестве объекта выступает обозначение предмета, создаваемого соответствующим действием [Шмелев 1977: 99]. Как представляется вместе с тем, здесь вза-

имодействуют два объекта — *поленья* и *дрова* как результат действия и как объект действия глагола *рубить*, тогда как сам глагол не представлен в двух значениях, соотносимых метонимически [Грамматические аспекты перевода 2010: 107].

До последнего времени также практически не поднимались вопросы, связанные с классификацией типов глагольной метонимии: не существует полной классификации метонимических переносов не только в сфере глаголов говорения, но и для глагольной метонимии в целом. Предпринятые попытки систематизировать и описать таксономию глагольной метонимии в (см. [Новиков 2003; Новиков, Рыбаков 2011]) вызывают ряд вопросов. А. Л. Новиков на основе предложенного им понятия «метонимический классификатор» дает системное описание и иерархическую классификацию метонимии в сфере прилагательных и глаголов в русском языке, указывая, что «метонимически организованный по своей структуре глагол соотносится с одним и тем же денотатом, но «выбирает» в нем различные сигнификативные аспекты, планы», ср.: «*копать* землю» — «*копать* яму», где денотативная соотнесенность метонимических значений одинакова (одна и та же ситуация), а семантическое (сигнификативное) содержание различно (рытье земли и как «смежный» результат — выкапывание траншеи, ямы) [Новиков 2003: 63]. Как представляется, в данном случае, как и в вышеприведенном утверждении Д. Н. Шмелева, речь идет все-таки о метонимии существительного, а не о глагольной метонимии. Основным типом метонимического переноса у глаголов А. Л. Новиков видит отношение каузирования, отмечая, что другие разновидности глагольной метонимии носят достаточно частный характер [Новиков 2003].

Таким образом, предложенная семантическая таксономия глагольной метонимии вызывает ряд сомнений также потому, что не отражает изначальное разделение метонимии как тропа, ср.: *пристань проплывает мимо*, и как средства вторичной номинации, при которой образуются регулярные модели переносов, ср.: *самолет летит* — *пассажир летит*. Кроме того, в данном подходе автор не объясняет и не рассматривает случаи, при которых происходит метонимическая трансформация значения глагола (например, *лететь*), а также при которых метонимический перенос не влечет за собой изменение в семантике глагола (например, *проноситься*).

О. А. Сулейманова и Н. Н. Беклемешева предлагают разделять глагольную метонимию на *причинно-следственную* и *обстоятельствственную*. По причинно-следственному типу между предикатами действия и состояния устанавливаются причинно-следственные отношения (*цветы пахнут* — следовательно — *кто-то их нюхает*; *он был здесь* — следовательно — *он еще не ушел* и др.). По обстоятельствственному типу устанавливаются отношения между действием и его сопутствующий акустической, визуальной, «поведенческой» и иной характеристикой, где сопутствующий признак высту-

пает репрезентантом всего действия (*шептать* — говорить, издавая шипящие звуки; *прихлебывать* — пить мелкими глотками, *рвануть* — резко начать движение и др.) [Грамматические аспекты перевода 2010].

Как отмечают исследователи, «эти вторичные (сопутствующие) параметры могут взять на себя функцию основных и тем самым репрезентировать само событие, ситуацию» [Сулейманова, Беклемешева 2009: 91]. Ср., например, как данная особенность проявляется в глаголах говорения: «Боже мой, какой “угод”, — она очень смешно *картавила*» (С. Спивакова. *Не всё*), где признак, сопутствующий акту говорения и вносящий информацию о «дефектном» исполнении события, замещает весь акт говорения. Тем самым поднимается идея неслучайной связи между предикатами, находящимися в определенного рода (не случайных / метонимических) отношениях.

Н. Г. Агеева, исследуя типологию и механизмы глагольной метонимии на материале английского языка, выделяет *коллигативный тип* глагольной метонимии, основанный на совстречаемости/соположенности действия (процесса, состояния, отношения) с сопутствующим признаком, ср.: *to rest: отдыхать — лежать — прекратить активные действия* (состояние как причина — внешнее его проявление) [Агеева 1990]. Ср. также: «Покупайте чего хотите...— *отмахнулся* Корытин» (Б. Екимов. *Планошет*), где глагол действия/говорения *отмахнулся* вносит информацию о внутреннем состоянии субъекта, проявляющемся в невербальном жесте и соответствующем акте речи. Как представляется, метонимический перенос, лежащий в основе сдвига значения данного глагола, можно с некоторым уточнением отнести к рассмотренной выше модели *состояние как причина — внешнее его проявление*, поскольку в данном случае глагол акцентирует либо эмоции, сопровождающие производимые действия, ср.: *отвечать невнимательно, небрежно, легкомысленно оставлять что-либо без внимания*, либо состояние, сопровождающееся действием, ср.: *недоволен*, следовательно, *отмахивается*.

Отметим, что подобные метонимические модели напрямую соотносятся с глаголами говорения, выражающими действие через сопутствующий признак, отражающий эмоции. На это также указывает Е. В. Анашкина, отмечая, что метонимия подобных предикатов может интерпретироваться как стилистический прием, в частности, при метонимической замене глаголов при передаче прямой речи, ср.: “Oh no, I like it awfully, — *laughed* Ursula”, где глагол *to laugh* изначально не содержит в своем значении сему «говорения», но приобретает ее в конструкции с прямой речью. Таким образом, границы языковой ситуации, отраженной глаголом *to laugh*, расширяются за счет включения новой семы [Анашкина 2011: 373].

Приведенные примеры моделей метонимических переносов показывают, что с точки зрения изменения значения вследствие вторичной

номинации и с позиции когнитивного подхода в основе глагольной метонимии лежат *причинно-следственные* связи и метонимические связи, носящие *обстоятельный* характер, в рамках которых могут быть выделены частные модели метонимических переносов. Это позволяет системно подходить к когнитивной интерпретации акта говорения в естественном языке в случаях, когда он представлен обстоятельной глагольной метонимией.

По мнению В. А. Толмачевой, базовой моделью образования вторичного значения «говорение» является метонимическая модель «Часть — Целое», которая проявляется как обозначение сложного действия (целое) через один из его этапов (часть) [Толмачева 2018: 150]. Однако сведение всей системы глагольной метонимии к одному типу метонимических переносов (по сути — синекдохе) является ограниченным, поэтому предложенный подход к систематизации глагольных метонимических переносов, на наш взгляд, представляет собой первые шаги по описанию отдельных глаголов говорения, не объединенных в лексико-семантическую группу, и требует серьезных уточнений.

Отсюда вытекает одна из главных проблем, заключающаяся в сложности идентификации метонимических переносов в сфере предиката, ср.: метонимичный глагол *мямлить* => *говорить мямля, т.е. невнятно, нечетко, медленно, вяло, едва шевеля губами*, где семантический сдвиг происходит на основе смежности и неслучайной связи основного действия и обстоятельного элемента, включенного в семантику глагола *мямлить*. Метафорические переносы, напротив, легко идентифицируются рядовыми носителями языка, ср., например, глаголы *взорваться, прошипеть, отмахнуться, рывкнуть, прореветь* и др., в ходе которых событие, существующее в рамках одной предметной области (домена), получает интерпретацию в терминах другой области (домена), т.е. *взорваться* = *разлетаться, разрываться на части, разрушаться от взрыва* => *не сдержав своего возмущения, негодования, выразить его словами, жестами в резкой, категоричной форме*. Как видно из рассмотренного материала, при глагольной метонимии перенос происходит на основе неслучайной связи, возникающей в рамках одной концептуальной области, тогда как при глагольной метафоре семантический сдвиг происходит между двумя концептуальными областями на основе их звукового сходства.

К систематизации метонимичных глаголов говорения стоит подходить с позиции того, какую речевую особенность они характеризуют: исследователи выделяют несколько основных типов глагольной метонимии, которые применимы к предикатам, репрезентирующим акт говорения, например:

1) *коллигативную* — встречаемость или соположенность действия/процесса/состояния/отношения с сопутствующим признаком, ср.: *отмахнуться*, где метонимический перенос, лежащий в основе сдвига значения

глагола, можно отнести к модели *состояние как причина — внешнее его проявление*, поскольку в данном случае предикат акцентирует либо эмоции, сопровождающие производимое действие, ср.: *отвечать невнимательно, небрежно, легкомысленно оставлять что-либо без внимания*, либо состояние, сопровождающееся действием, ср.: *недоволен*, следовательно, *отмывается* [Агеева 1990];

2) *синекдохальную*, ср.: *улыбнуться*, где соотносится (часть) *мимика как компонент невербальной коммуникации* и (целое) *говорение, сопровождаемое мимикой* [Толмачева 2018];

3) *обстоятельную* — связь между действием и обстоятельствами его осуществления, ср. большинство рассматриваемых в работе глаголов: *мямлить, бормотать, гнусавить, лепетать* и др., в которых основное действие (говорение) представлено через регулярно сопутствующий этому действию звуковой (акустический), визуальный или иной эффект [Грамматические аспекты перевода 2010].

В настоящей статье предлагается классификация, в основу которой положено, как говорилось выше, разделение метонимичных глаголов говорения по тому, какие особенности речи они характеризуют (см. также [Чаплин 2019а: 104]). Метонимичные глаголы говорения могут характеризовать:

- 1) врожденный и/или приобретенный дефект речевого аппарата (картавить, заикаться);
- 2) только приобретенный дефект речевого аппарата (шамкать, шепелявить);
- 3) специфическую манеру речи (гундосить, гнусавить, лепетать, лопотать, бормотать, бубнить, бурчать, грассировать);
- 4) наличие/отсутствие ожидаемой преграды для произнесения звуков (шамкать, шепелявить, шипеть);
- 5) громкость/тихость произнесения слов (гаркать, галдеть, лепетать, лопотать, бормотать);
- 6) четкость/нечеткость произнесения звуков (бубнить, гаркать, чеканить/мямлить, лепетать, лопотать, бормотать);
- 7) наличие/отсутствие эмоциональной составляющей (ахать, ойкать, окать, ухать, бурчать, шипеть);
- 8) детскую/взрослую речь (лепетать/лопотать);
- 9) подражательную и/или сознательно воспроизводимую манеру речи (картавить, грассировать, шамкать, шепелявить, гундосить, гнусавить).

Подчеркнем, что группа метонимичных глаголов говорения не является закрытой структурой, глаголы активно взаимодействуют и пересекаются, поскольку репрезентируют специфическую сферу — сферу речевой деятельности, характеризующуюся повышенной экспрессивностью, эмо-

циональностью, содержательностью, т.е. таким набором составляющих, которые призваны реализовать важнейшие языковые функции — коммуникативную и информационную.

Рассмотрим действие метонимического механизма в сфере предиката говорения на примере анализа предикатов *лепетать* и *лопотать*.

Остановимся на описании пошаговой процедуры семантического анализа, а именно: гипотетико-дедуктивного метода, использующегося для описания семантики метонимичных глаголов говорения на примере пары глаголов *лепетать* и *лопотать* (данная методика применялась к описанию и других метонимичных глаголов) (см. описание других глаголов в [Чаплин 2019в: 381–386]). Каждый из рассматриваемых глаголов репрезентирует акт говорения через акцентуацию на особенностях говорения субъекта речи, что отражено в словарных толкованиях глаголов. Однако описаний значений в словарях недостаточно для верного и однозначного определения различий в семантике исследуемых предикатов, на что указывали И. А. Стернин и Э. В. Шаламова, подчеркивая, что «семантика слова не может быть сведена к ее описанию в словарях, к т.н. лексикографическому значению слова — там семантика представлена всегда не полностью, значения слов представлены в основном в своих ядерных компонентах» [Стернин, Шаламова 2016: 70].

Более того, в словарных статьях двух выбранных глаголов образуются так называемые «логические круги», при которых слова трактуются друг через друга: глагол *лопотать* в одном из значений определяется через синоним *лепетать*. Другая особенность словарных толкований заключается в наличии совпадающих фрагментов в дефинициях значений рассматриваемых предикатов, например, *лепетать* — «говорить несвязно, неразборчиво (обычно о речи детей)» [БТС] и *лопотать* — «говорить несвязно, неясно произнося слова (о детях); лепетать» [БТС]. При этом оба глагола трактуются через глагол *бормотать*: *лепетать* — говорить невнятно, невразумительно, сбивчиво, с трудом подыскивая слова; *бормотать*; *лопотать* — говорить невнятно, бормотать.

Такие «логические круги» и совпадающие фрагменты в толкованиях лексических единиц предполагают, что данные глаголы совпадают в значении и, следовательно, должны быть взаимозаменяемы практически в любых контекстах [Сулейманова, Фомина 2018]. Однако в случае замены в контексте одного из рассматриваемых глаголов на другой выясняется, что между ними существуют различия, которые не отражены в описании словаря, но отчетливо осознаются носителями языка: ср. *лопотал бледный Сеня* — говорить быстро, негромко, невнятно и непонятно артикулируя и *лепетал бледный Сеня* — говорить быстро, тихо, сбивчиво, неразборчиво/нечетко артикулируя, где на передний план выдвигается описание «слабой» коммуникативной позиции говорящего (об этом см. ниже).

Таким образом, несмотря на некоторую семантическую общность данных глаголов, позволяющую в ряде случаях осуществлять замену одной лексической единицы на другую, существуют признаки, разграничивающие значения данных предикатов. Для дальнейшего построения гипотезы о различиях в значениях глаголов говорения *лепетать/лопотать* формируется репрезентативная выборка примеров, в которой исходный глагол заменяется на его синоним, а затем полученные высказывания предъявляются информанту для оценки их правильности или неправильности с точки зрения его языковой компетенции. В нашем случае информантами выступают студенты, аспиранты, преподаватели лингвистического профиля, а также сам исследователь как компетентный носитель языка. Далее на основе анализа контекстов с исследуемыми глаголами и полученного «отрицательного языкового материала» выдвигается гипотеза о дифференциальных семантических признаках исследуемых лексических единиц. Затем следует ее проверка на имеющемся языковом материале.

Так, глагол *лепетать*, описывая содержательную и звуковую сторону речи, характеризует ее как *несвязную, неразборчивую, невнятную*, поэтому он может использоваться для репрезентации «детской» речи: ср., например, «Когда маленькая подросла месяцев до восьми и начала что-то лепетать, важней всего для нее было освоить священное имя сестры» (Т. Набатникова. «День рождения кошки»), где глагол *лепетать* описывает бесвязную, неразборчивую речь ребенка (нечетко произносить буквы, слова и т.п.).

При описании говорения взрослого содержание его речи характеризуется как несерьезное, незначительное, которым можно пренебречь именно по причине того, что она уподобляется детской речи (своего рода звукоподражание): ср.: «Я невнятно пролепетал о согласии, понимая, что совершил страшную оплошность» (В. Бережков. «Рядом со Сталиным»), где глагол *пролепетал* характеризует речь как *невнятную, невразумительную, беспомощную*, а сам говорящий находится в слабой, подчиненной позиции (его упрекают, обвиняют).

Слабая коммуникативная позиция говорящего определяется тем, что глагол *лепетал*, характеризуя речь как *невнятную, несерьезную, беспомощную*, маркирует ее как незначительную, содержанием которой можно пренебречь, и содержание как самый релевантный компонент высказывания становится нерелевантным для собеседника. Ср. также допустимые *...почти с ужасом пролопотала Ирина* и *...я не смог даже пролопотать*, где вводится информация об акте говорения и речь характеризуется как *невнятная, неразборчивая* (однако отсутствует указание на подчиненность коммуникативной позиции субъекта речи).

Глагол *лепетать* может репрезентировать речь человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения: *...Как минимум, пол-литра водки*

выпил. Заплетающимся языком лепетал, что осознал свою ошибку, обещал больше так не делать (Р. Максимова. «Грани»), где в значении глагола *лепетал* присутствует указание на слабость коммуникативной позиции говорящего (из-за алкогольного опьянения), в результате чего способность к членораздельной речи ослабляется: она характеризуется как *невнятная, непонятная, бессмысленная*.

Глагол говорения *лопотать* не маркирован с точки зрения описания взрослой или детской речи и репрезентирует ее как *несвязную, с неясным произношением, непонятную для окружающих*: ср. «[Девчонка], не переставая, что-то лопотала своим милым детским голоском» (Л. Толстой. «Воскресение»), где глагол *лопотала* вносит информацию о речи маленького ребенка. Ср. также: «Но не изменились — лопочут о науке, о социальной справедливости, черт знает о чем» (С. Данилюк. «Рублевая зона»), где глагол *лопочут* вносит информацию о том, что речь ученых (взрослых) характеризуется как *несерьезная, легковесная, не имеющая серьезного основания*.

В силу того, что глагол *лопотать* репрезентирует речь как *несвязную, непонятную*, он может использоваться для описания иноязычной речи, которую респондент не понимает: ср.: «Из кубрика высунула голову женщина, что-то пролопотала по-норвежски, махнула рукой и опять ушла в кубрик» (Е. Замятин. «Ела»), где глагол *пролопотала* вносит информацию о речи как *невнятной, с неясным произношением слов, непонятной со стороны слушающего*. Ср. также — «Заденет, заденет он нас, — лопотал китаец» (А. Вороной. «Банда профессора Перри Хименса»), где глагол *лопотал* указывает на *быстроту, невнятность, несвязность акта говорения*. Ср. отмеченное информантами как не вполне допустимое *что-то? пролепетала по-норвежски; */? лепетал китаец*, где глагол *лепетать* не может вносить информацию об иноязычной речи, акцентируя внимание на характере и манере говорения (*речь бессвязная, сбивчивая*).

Глагол *лопотать* в некоторых случаях для создания речевого портрета говорящего, как и глагол *лепетать*, также может вводить информацию о речи человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения: «”Что ты, я совсем пьяный”, — лопотал будущий автор открытия поляризации излучения Крабовидной туманности» (И. Шкловский. «Новеллы и популярные статьи»), где глагол *лопотал* репрезентирует акт говорения и характеризует речь как *несвязную, бормочущую, непонятную для окружающих*. Ср. также аналогичное *лепетал пьяный*.

Для окончательного подтверждения выдвинутой гипотезы необходимо провести еще один эксперимент, в ходе которого информантам предлагаются примеры (подбираются контексты с исследуемыми глаголами либо создаются авторские контексты), характеризующиеся в соответствии с нашей гипотезой либо как положительные, либо как отрицательные. Так, в корпус примеров включаются пары предложений, отличающиеся друг

от друга только по одному признаку: например, слабости коммуникативной позиции говорящего или способности/неспособности к репрезентации речи иностранца, ребенка и т.д.

Созданная экспериментальная выборка примеров предьявляется информанту для оценки правильности или неправильности полученных высказываний. Затем полученные данные анализируются, причем проверка гипотезы в данном случае заключается не в разделении предложений на маркированные и немаркированные, а в соответствии опытных данных с «разметкой исследователя». Так, например, согласно ожиданиям, получаем положительную оценку для высказываний с глаголом *лопотать*, где он вносит информацию о речи иностранцев, и отрицательные оценки информантов, где глагол *лепетать* не способен вносить информацию о том, что субъект речи говорит на иностранном языке, непонятном для окружающих, акцентируя внимание на внешних характеристиках (*речь бессвязная, сбивчивая*).

Таким образом, в ходе исследования выдвинутая гипотеза о различиях в семантике глаголов говорения *лепетать* и *лопотать* получает экспериментальное подтверждение. Применение предложенной исследовательской процедуры, основанной на гипотетико-дедуктивном методе, семантическом эксперименте с дальнейшим обращением к поисковым системам, позволило установить дифференциальные признаки, разграничивающие значения исследуемых метонимичных глаголов говорения *лепетать* и *лопотать*. В свою очередь, это позволило дополнить и систематизировать их лексикографическое описание (которое, как отмечалось выше, в современных словарях зачастую является неполным).

Так, глагол *лепетать* обозначает «говорить быстро, тихо, сбивчиво, неразборчиво/нечетко артикулируя, находиться в “слабой” и/или подчиненной коммуникативной позиции, в результате чего слушающему сложно расчленить речевой поток на отдельные осмысленные языковые единицы, поскольку содержание сообщения передается не только словами, но и интонацией, невербальными средствами (акцент на внешних характеристиках речи)» [Чаплин 2019 б: 79–80; 2019 в: 384].

Глагол *лопотать* обозначает «говорить быстро, негромко, невнятно и непонятно артикулируя, в результате чего слушающему сложно распознать/декодировать речевой поток с точки зрения его членения на осмысленные языковые единицы» (акцент на *содержании речи*).

Выводы. Таким образом, в работе были предприняты попытки описания разнообразных механизмов функционирования глагольной метонимии, репрезентирующей акт говорения. Как показало исследование, интерес к исследованию метонимических переносов, как в значениях существительных, так и признаков слов, неизменно повышается. Уже отрицается значимость данных процессов для отображения/концептуа-

лизации окружающей действительности, поскольку процессы, лежащие в основе метонимических переносов, свидетельствуют не только о закономерности или регулярности исследуемых явлений, но и об их взаимосвязи с нашим мышлением.

Глагольная метонимия, следуя закону речевой экономии, демонстрирует тенденцию к экономии речевых усилий, ср.: *мямлить* и *говорить вяло и невнятно*. Не стоит также забывать, что глагол в языке выражает процессуальность действия, а в высказывании — процесс говорения. Соответственно, именно глагол является тем организующим звеном, которое метонимически восстанавливает в памяти более сложные структуры, формируя вокруг себя каркас будущего высказывания.

Предложенный подход к классификации метонимических переносов в значении глаголов говорения, основанный на разделении метонимии на *коллигативную*, *причинно-следственную*, *обстоятельную*, позволяет выделить основные модели метонимических сдвигов в значении предикатов речевых действий с их дальнейшей конкретизацией по классам на базе того, какие особенности акта говорения они репрезентируют. Анализ материала продемонстрировал, что метонимичные глаголы говорения не являются закрытой структурой, они активно взаимодействуют и пересекаются. В качестве базового типа глагольной метонимии в исследовании выделяется *обстоятельная метонимия*, основанная на отношениях между действием и сопутствующий акустической, визуальной, поведенческой и иной характеристикой, где сопутствующий признак выступает репрезентантом всего действия.

В ходе анализа семантики глаголов говорения, способом образования значений которых являются метонимические переносы, с помощью гипотетико-дедуктивного метода исследования установлено, что данные модели активно участвуют в образовании значений глаголов и эффективно репрезентируют акт говорения. Проанализированные глаголы вносят информацию о различных сторонах речи (наличии/отсутствии речевых дефектов, манере, акустических особенностях, коммуникативной ситуации, субъекте речи и др.), содержат в своем значении «дополнительные» параметры (указание на настроение говорящего, эмоциональную оценку ситуации, отношение к высказыванию и/или к собеседнику, оценку коммуникативных навыков собеседника и др.).

Литература

Агеева Н. Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. 199 с.

Анашкина Е. В. Механизмы функциональной категоризации глаголов при метонимическом переносе в англоязычном художественном дискурсе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 370–373.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Новиков А. Л., Рыбаков М. А. Семантико-словообразовательная природа метонимии в русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 3. С. 63–69.

Новиков А. Л. Таксономия метонимии в русском языке. Имена прилагательные. Глаголы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2003. № 4. С. 61–66.

Селиверстова О. Н., Сулейманова О. А. Эксперимент в семантике // Контексивные аспекты языка: константность и вариативность: Сб. ст. к юбилею О. А. Сулеймановой / Отв. ред. Т. Д. Шабанова. Москва: Флинта, 2016. С. 19–42.

Солодилова И. А. Метонимия: границы феномена // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1. С. 53–57.

Стернин И. А., Шаламова Э. В. Ассоциативный эксперимент и описание семантики слова в языковом сознании (слово *машина* в словаре и языковом сознании современного носителя русского языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 69–74.

Сулейманова О. А. и др. Грамматические аспекты перевода: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов. Москва: Академия, 2010. 240 с.

Сулейманова О. А., Беклемешева Н. Н. Основы языковой категоризации мира: пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 3(7). 2009. С. 87–92.

Сулейманова О. А., Фомина М. А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика: Научные труды по филологии / Гл. ред. С. А. Васильев. Вып. XII. М.: Книгодел, 2018. С. 220–235.

Толмачева В. А. Метонимия как механизм формирования глаголов с вторичным значением «говорение» // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII. 2018. С. 146–151.

Чаплин Е. В. Метонимия и метафора в сфере предиката (на примере глаголов говорения) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 3 (35). 2019а. С. 100–106.

Чаплин Е. В. Речевой портрет говорящего: исследование семантики метонимичных и метафоричных глаголов говорения // Человек в информационном пространстве: Сборник научных статей; Ярославль, 14–16 ноября 2019 г. / Под общ. ред. Т. П. Курановой. Ярославль: РИО ЯГПУ. 2019б. 77–82.

Чаплин Е. В. Гипотетико-дедуктивный метод для описания метонимии в сфере глаголов говорения // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Т. 12. Вып. 11. 2019в. С. 381—386.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

Metonymy in language and thought / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam — Philadelphia: J. Benjamins, 1999. 423 p.

Benczes R., Barcelona A., Ruiz de Mendoza Ibáñez F. J. (eds.). Defining metonymy in cognitive linguistics: Towards a consensus view. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 292 p.

Словари

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.

Интернет-ресурсы

Национальный корпус русского языка URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Карта слов и выражений русского языка URL: <https://kartaslov.ru/>.

References

Ageeva N. G. Tipologiya i mekhanizmy glagolnoj metonimii v sovremenном anglijskomazyke: Dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1990. 199 s.

Anashkina E. V. Mehanizmy funkcionalnoj kategorizacii glagolov pri metonimicheskom perenose v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. № 8. S. 370—373.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem / Per. s angl.; pod red. i s predisl. A. N. Baranova. Moskva: Editorial URSS, 2004. 256 s.

Novikov A. L., Rybakov M. A. Semantiko-slovoobrazovatel'naya priroda metonimii v russkomazyke // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika. 2011. № 3. S. 63—69.

Novikov A. L. Taksonomiya metonimii v russkomazyke. Imena prilagatelnye. Glagoly // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2003. № 4. S. 61—66.

Seliverstova O. N., Sulejmanova O. A. Eksperiment v semantike // Kontensivnye aspektyazyka: konstantnost i variativnost: Sb. st. k yubileyu O. A. Sulejmanovoj / Otv. red. T. D. Shabanova. Moskva: Flinta, 2016. S. 19—42.

Solodilova I. A. Metonimiya: granicy fenomena // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1. S. 53—57.

Sternin I. A., Shalamova E. V. Associativnyj eksperiment i opisanie semantiki slova vazykovomsoznanii (slovo *ماشينا* v slovare iazykovom

soznanii sovremennogo nositelya russkogo yazyka) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2016. № 2. S. 69–74.

Sulejmanova O. A. i dr. Grammaticheskie aspekty perevoda: Ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vuzov. Moskva: Akademiya, 2010. 240 s.

Sulejmanova O. A., Beklemesheva N. N. Osnovy yazykovoj kategorizacii mira: prostranstvo, vremya, prichinnost i princip nesluchajnoj svyazi // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 3 (7). S. 87–92.

Sulejmanova O. A., Fomina M. A. Triangulyacionnyj podkhod v eksperimentalnoj lingvistike // Rusistika i komparativistika: Nauchnye trudy po filologii / Gl. red. S. A. Vasilev. Vyp. XII. Moskva: Knigodel, 2018. S. 220–235.

Tolmacheva V. A. Metonimiya kak mehanizm formirovaniya glagolov s vtorichnym znacheniem “govorenie” // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXIII. 2018. S. 146–151.

Chaplin E. V. Metonimiya i metafora v sfere predikata (na primere glagolov govoreniya) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. № 3 (35). 2019a. S. 100–106.

Chaplin E. V. Rechevoj portret govoryashego: issledovanie semantiki metonimichnyh i metaforichnyh glagolov govoreniya // Chelovek v informacionnom prostranstve: Sbornik nauchnyh statej; Yaroslavl, 14–16 noyabrya 2019 g. / Pod obsh. red. T. P. Kuranovoj. Yaroslavl: RIO YaGPU. 2019b. S. 77–82.

Chaplin E. V. Gipotetiko-deduktivnyj metod dlya opisaniya metonimii v sfere glagolov govoreniya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. T. 12. Vyp. 11. 2019v. S. 381–386.

Shmelev D. N. Sovremennyy russkij yazyk. Leksika. Moskva: Prosveshenie, 1977. 335 s.

Metonymy in language and thought / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam — Philadelphia: J. Benjamins, 1999. 423 p.

Benczes R., Barcelona A., Ruiz de Mendoza Ibáñez F. J. (eds.). Defining metonymy in cognitive linguistics: Towards a consensus view. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 292 p.

Dictionaries

BTS — Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. S. A. Kuznetsova. Sankt-Peterburg: Norint, 2000 1536 s. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.

Internet resources

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Karta slov i vyrazhenij russkogo yazyka URL: <https://kartaslov.ru/>.

Сведения об авторах: Евгений Владимирович Чаплин; Московский городской педагогический университет; аспирант кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков; ORCID 0000-00032924-5610; evgenychaplin@yandex.ru; сфера научных интересов: лингвистическая семантика и прагматика, методология семантических исследований.

Ольга Аркадьевна Сулейманова; доктор филологических наук; профессор; Московский городской педагогический университет; профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков; ORCID 0000-0002-4972-0338; souleimanovaOA@mgpu.ru; сфера научных интересов: лингвистическая семантика, методология семантических исследований, переводоведение.

The authors' profile: Evgeny Vladimirovich Chaplin; Moscow City University; postgraduate student at the Department of Linguistics and Translation Studies of the Institute of Foreign Languages; ORCID 0000-00032924-5610; evgenychaplin@yandex.ru; research interests: linguistic semantics and pragmatics, methodology of semantic research.

Olga Arcadieva Suleimanova; Doctor of Philology; Professor; Moscow City University; Professor of Department of Linguistics and Translation Studies at the Institute of Foreign Languages; ORCID 0000-0002-4972-0338; souleimanovaOA@mgpu.ru; research interests: linguistic semantics, methodology of semantic research, translation studies.